

The background of the book cover features a close-up, artistic photograph of a person's face, focusing on the eyes and forehead. The lighting is dramatic, with warm, golden-yellow highlights on the skin and deep shadows in the creases of the forehead and around the eyes. The overall mood is contemplative and intense. A large, solid yellow rectangular box is positioned on the left side of the cover, containing the author's name and the title.

Кумкват Селиванов

Уход в затемнение

12+

Кумкват Селиванов

Уход в затемнение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Селиванов К.

Уход в затемнение / К. Селиванов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодой человек после запланированной разлуки с возлюбленной спешит к ней на свидание в заранее оговоренное место. Но каждый шаг к тому месту отправляет его все глубже в прошлое - сначала прошлое их взаимоотношений, а затем - и в прошлое целой страны...

Селиванов Кумкват

Уход в затемнение

Ему снился маленький нагрудный значок в виде пятиконечной звезды. Звезда была красной. В центре значка находилась маленькая фотография мальчика с волнистыми, почти кудрявыми волосами.

Кто-то схватил звезду и швырнул ее в воду.

Николай вздрогнул.

"Сигаретный прожог" или "точка", едва заметный знак в правом верхнем углу экрана, овальное бельмо, что возникает лишь на мгновение.

Затем пленка закончилась. Сматывающая бобина некоторое время стрекотала, пока киномеханик не выключил проектор.

Этим стрекотом заканчивался каждый сон Николая. Казалось, при рождении кто-то вживил в голову небольшую кинокамеру, и восприятие окружающего мира строилось на том, при каком свете и под каким углом он видит различные события.

Когда возникал звук крутящейся впустую бобины, мужчина понимал, что выпался. Высыпался он на редкость умело, уже через секунду с трудом вспоминая, о чем на этот раз был сон.

Тогда, нащупав в призрачных островках сонной памяти лишь звук лентопротяжного механизма, он, бросая это глупое занятие, отдавался ожиданию первой мысли, что посетит его сегодня. Словно расставлял сеть и ждал, что же первым попадется на этот раз. Своеобразный заменитель снов.

Первое, что сегодня коснулось его ума, было воспоминанием о запахе. Прекрасный аромат обволакивающей сладости спелых фиников, присыпанных пудрой из бразильского ореха с характерным молочным привкусом.

Внутренняя камера подчеркивала всевозможные оттенки красного.

Для людей, побывавших тут хоть единожды, этот аромат всегда воскресит память о милых неапольских пекарнях. Уютные порции десертов, лежащих на тонких блюдцах возле небольших, но неизменно горячих чашечек с макиато. Чашечки поддерживают специальные глиняные подставочки в форме квадрата с закругленными краями. Кружевная скатерть покрывает овальную столешницу маленького столика. Такие столики есть только на Капри.

Николай хорошо помнил вкус этого десерта.

Вяжущий, оседающий на деснах вкус ореха и затаившаяся где-то под языком сладость плодов финиковой пальмы.

Однако, в тот их по-настоящему первый вечер, когда они смотрели на опускающееся за пределы Тирренского моря солнце и лениво пережевывали мясистые тела плодов, Николай, совершенно не узнавая себя и одновременно понимая, что иначе ему поступить невозможно, взял Надежду за руку, сначала легко, как бы извиняясь этим жестом за свою целеустремленность, затем крепче, проявляя неукоснительную уверенность, повел Надежду в свой номер в гостинице.

Было то наваждением или, может быть, какой – то галлюцинацией неизвестной ему природы, но тело Нади тем вечером, как и во все последующие, таило этот аромат – аромат десерта из фиников, посыпанных тертым бразильским орехом.

Открыв глаза, Николай резко поднялся с постели. Жалобно скрипнула половица под его ногой. Слегка покачнулся стоявший рядом стул, который Николай невзначай задел, следуя в ванную.

Он открыл кран холодной воды и некоторое время наблюдал за тем, как вода, будто в спешке, пытается наполнить раковину, но, едва набрав сантиметр глубины, скрывается в дырке слива. Внутренняя камера представила все в желтушных тонах.

Эта сцена в какой-то мере показалось аллюзией на жизнь человека, который пытается и даже может чего-то достичь, но у него не выходит лишь потому, что есть в его жизни какой-то непреодолимый изъян размером с дырку слива.

Еще горячие мягкие ладони охватила будоражащая зябкость. Он щедро ополоснул лицо и закрыл кран.

Она не находила себе места. Не находила в буквальном смысле. Вставала из постели жаркая, напуганная и осторожная. Она ходила по квартире, заглядывая в шкаф, под кровать, выглядывая в окно, прислушиваясь у входной двери к звукам подъезда, и неизменно держала палец прижатым к губам. Просила Николая не шуметь.

Не найдя ничего, вздыхала и возвращалась в остывшую постель. Спустя несколько минут ей вновь что-то чудилось, и она повторяла эти нервные передвижения по квартире. Так происходило до тех пор, пока Николай, измученный ожиданием, не засыпал. Тогда Надежда ложилась рядом и продолжала прислушиваться, пока сама не погружалась в воды сновидений.

Их последний разговор с Надей прошел в ванной.

– На полгода, Коля, неужели ты не понимаешь? – спрашивала она.

В нависшую тишину вторглась жилка горечи.

Мужчина выключил внутренний кинескоп.

– Но мы решили! – вздохнул Николай. – Тебе нужно двигаться дальше.

– Да, решили, – согласилась девушка и заплакала.

Мужчина обнял Надежду. Через пару секунд она высвободилась из его рук, вытерла платком слезы и оправила платье.

– Ну и хорошо, что я уезжаю, – сказала девушка. – Хорошо! Может, ты напишешь отличный сценарий!

– Мы же все обговорили, Надя! Дело не в сценарии!

– Да, – кивнула она. – Значит, двадцать пятого, в октябре?

– В четверг, – кивнул Николай. – У Богоявленского собора.

Через минуту он подавал ей пальто. Она укутывала шею шарфом, поправляла шапку. Ее тоненькие ножки скользнули в запятнанные весенней грязью туфли. На прощание робко поцеловала его, как в первый раз, выскользнула из объятий и, процокав каблуками по ступеням подъезда, скрылась из виду.

Спустя мгновение до его слуха донеслось глухое "вух" дверцы автомобиля, мягко затарахтел мотор, машина тронулась, мяся колесами склизкую грязь.

Еще неделя, и наступит ноябрь. Воздух озябшим лазутчиком уже проникал в тесную квартирку Николая через неприметные щели в окнах и прятался, главным образом, за металлическим трупом батареи, окоченевшим в тот день, когда Надя покинула город.

Холод был неумолим. Николай спал, не снимая ни брюк, ни свитера, надев носки из овечьей шерсти, окутываясь одеялом столько, сколь представлялось возможным.

Наутро он просыпался от того, что нос его, хоть прячь, хоть не прячь под подушку, оказывался гол и чесался. Николай, по обыкновению последних недель, начинал чихать, и после никакой сон уже не брал.

Он вглядывался в потолок, пытаясь мысленно воспроизвести на нем, как на натянутом экране, сны. Потолок ловил лишь тени из окна, когда ветви деревьев перекрывали зыб-

кий утренний свет, проникающий в комнату. Николай прищурился, допускал черно-белую палитру, присматривался вновь. В правом верхнем углу мелькала "точка".

Дальше не шло.

Ничего не получалось.

Выйдя из ванной, он подошел к окну в кухоньке. Тут же вспомнилась идеальная, теплая, полная нежности и сладости картинка.

Николай был в гостях у друга Алексея. Там он играл в шахматы с каким-то давним знакомым по фамилии Малиновский. Сам Алексей сидел рядом, с интересом наблюдая за партией. Вокруг веранды, на которой неслышно шла их шахматная война, все зеленело, на небе с сотворения мира не бывало облаков, а воздух казался совсем чуждым холоду. Внизу рябила гладь моря. И тут Николаю захотелось зевнуть. Он краем глаза уловил какую-то вспышку, словно фотоаппарата, слева от себя, а Алексей похлопал его по плечу и сказал:

– Коля, во сне зевать нельзя! Черти что случиться может!

Николай взял в себя в руки и больше не зевал.

Окончив партию, итог которой ускользнул из памяти, он вышел с веранды и по маленьким чудесным ступенькам из бразильской вишни спустился вниз, где располагалось небольшое местное кафе. За одним из столиков сидела Надя с фужером мороженого. Он подмигнул ей, хитро прищурился. Она легко махнула ему рукой.

Николай присел рядом. Тут же мгновенно материализовался официант с подносом в руках. Расставив перед ними небольшие тарелочки с десертом и чашечки с макиато, он также молниеносно исчез. Надя взяла Николая за руку и их глаза встретились. Холодная изумрудная зелень ее глаз на мгновение отшибла у него дар речи.

– Победил? – спросила она.

Николай пожал плечами.

– Ты, главное, запомни, – с улыбкой произнесла Надя. – Наверняка в твоей голове все было намного эпичнее, чем сцена с двумя мужчинами, задумчиво пляшущими на деревянную доску.

Он погладил ее ладонь, затем поднес к губам и поцеловал.

Там было что-то еще, чего он не мог вспомнить. Осталось лишь какое-то приятное сладкое послевкусие. Шелуха воспоминаний отзывалась в сердце нежностью, тихой радостью, но разума так и не достигала.

В узком коридоре Николай надел резиновые сапоги и вышел из квартиры.

Ночью был дождь.

Ветер гонял листья по лужам, будто пускал кораблики. Дворники граблями и метлами сгребали те в кучи и тоскливо посматривали в небо, где толкались густые сизые облака, готовые вот-вот разродиться снегом. Какие-то прохожие пытались поджечь листву, однако бросали эту затею, лишь достав коробки отсыревших спичек.

Сизый воздух гудел.

Мужчина пытался обойти грязь и лужи, то и дело оказывающиеся на его пути, но вскоре оставил эти попытки, пошел прямо, уже не глядя под ноги.

Площадка вокруг остановки усеяна окурками папирос, фантиками от конфет, мелкими монетами, промокшими обрывками билетов. Рядом стоял автобус. В специальном окошечке виднелся номер маршрута – "А".

– А! – прочитал вслух Николай и запрыгнул в распахнутые двери. Мотор затарахтел, будто мясорубка, перемалывающая сухари, мягко чихнул поршневым двигателем, и автобус поехал.

Это нетеплое сероватое утро, сплошь забрызганное грязью, при всей своей однозначности и предсказуемости было, однако, непривычным. Неординарность заключалась в том, что Николай не мог припомнить, был ли когда-нибудь в его жизни столь значимый день, столь

важное для него событие, которое превращало все предшествующие дни, минуты и мгновения в бесконечное нервное ожидание, доводя незаметные умиротворенному человеку мелочи до невообразимых мистических итогов.

Во внутреннем кармане пальто Николай уже несколько дней носил готовый сценарий, по которому собирался снять первый фильм. Носил, чтобы не оставить дома в день встречи с Надей.

Ему хотелось принести эти рукописи, вручить, словно извиняясь за прожитые без нее полгода. Раскрыть и объяснить, с какой экспозиции, и с каким движением камеры будет сниматься та или иная сцена. Чтобы она тут же прочла, и непременно ей стало бы ясно, что за этой выдуманной историей в бесконечных аллюзиях скрыта их реальная, выше которой Николай не мог вообразить. Но в начале было слово. И слово это было -

"автобус".

Сев на первое попавшееся сидение, Николай вытянул ноги, в левом кармане нащупал глупую, даже пузырящуюся мелочь, извлек на свет. Кондуктор не подходил.

Мужчина сунул руку с мелочью обратно в карман и, не разжимая кулака, стал смотреть в окно. – Следующая остановка – улица Знаменская, – воспроизвели динамики автобуса.

"Мне нужна Кафедральная площадь, – подумал Николай в ответ. – Нам нужна".

Взгляд скользнул вниз. На гладкой голубоватой поверхности пластика салона синим маркером была криво выведена надпись: "I miss you,

Koubishkin!".

На момент их первой встречи Надежда работала библиотекарем. Николай приходил в читальный зал, показывал билет, что был своего рода разрешением от высшей инстанции. Он садился на жесткий стул, сидел минуты три, а затем вставал и, отвергая помощь Нади, шел вдоль полок с нервно торчащими книгами, выбирая для чтения что-нибудь особенное.

Затем тело его занимало уже знакомый стул, ладони примерно минуту грели обложку книги. Он открывал ее, одним взмахом переворачивая титульный лист, аннотацию и введение. Глаза цеплялись за первую строчку, внутренний голос ее прочитывал. Потом взгляд начинал выводить зигзаги на странице, первой, второй, следующей. Внутренний голос не поспевал за ним, захлебывался в обрывках слов и утихал, позволяя мозгу впитывать тезисы, конструкции и идеи в их изначальном виде, напоминая радужные разводы бензина в лужах.

Закрыв книгу, Николай относил ее на стол Надежде, шептал "спасибо", заглядывал девушке в глаза и уходил.

Надежда заприметила Николая. "Интересный мужчина", как его называла коллега Инесса, выбирал книгу сам. Скорее всего, не имел представления, что именно сегодня хочет прочесть.

Когда он бесцветным голосом говорил Надежде "спасибо", она каждый раз смотрела ему в глаза и видела, что книга его еще не отпустила. Затуманенный взгляд.

Внутри зрачков что-то постоянно взрывалось,

из черноты глазного дна поблескивали всполохи огня, и в этом его "спасибо" слышался небольшой надрыв, силовый свист свободы. Он говорил не ей. Он говорил это "спасибо" лишь потому, что "спасибо" необходимо сказать. Из полагающейся вежливости. Она вздыхала и, пытаясь его забыть, включала электрочайник, чтобы хоть чем-то себя занять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.